В интервью телеканалу «Союз» митрополит Иларион рассказал об истории и современной деятельности ОВЦС

24 июля 2011 года в Москве состоялось торжественное празднование 65-летия Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Праздничное богослужение в этот день возглавил Святейший Патриарха Московский и всея Руси Кирилл в храме во имя Святых отцов семи Вселенских Соборов Свято-Данилова монастыря. Накануне председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион дал интервью журналисту православного телеканала «Союз» Андрею Полушину для программы «Архипастырь», вышедшей в эфир 23, 24 и 25 июля.

– Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата был образован Священным Синодом в 1946 г. Когда церковная дипломатия была сложнее: тогда или сейчас?

– Я думаю, она была сложной и тогда, остается сложной и сейчас – это трудности разного порядка. 1946 год – первый год после окончания Великой Отечественной войны, время, когда вся страна вставала из руин, а вместе с ней вставала из руин Русская Церковь. И если страну разрушали фашистские захватчики на протяжении четырех лет, то Церковь разрушали собственными силами на протяжении трех предшествующих десятилетий. С самого начала революции и Гражданской войны наносились такие сокрушительные удары по Церкви, что если бы не заступничество Божие, Церковь не устояла бы. Задача была поставлена – полностью искоренить Церковь, и по сути дела перед началом войны у Церкви мало что оставалось из того, что она накопила за предшествующие века. Церковная структура была разрушена, на свободе оставалось всего четыре правящих архиерея, еще несколько архиереев служили настоятелями храмов. Храмов оставалось немного; в некоторых городах их не стало вообще. Все монастыри, духовные академии и семинарии были закрыты. Абсолютное большинство духовенства либо было физически ликвидировано, либо находились в лагерях и тюрьмах.

Во время войны ситуация изменилась, потому что, во-первых, Церковь заняла патриотическую позицию с первого дня войны и активно включилась в освободительную борьбу, а во-вторых, на тех территориях, которые были оккупированы гитлеровскими войсками, открывались храмы – и все это заставило советское правительство скорректировать свой курс по отношению к Церкви. И, как известно, в 1943 году по инициативе Сталина состоялась его встреча с тремя ведущими иерархами Церкви. Потом был проведен Поместный Собор и избран Патриарх Сергий

(Страгородский), и с этого момента началось – я бы не назвал это возрождением Церкви, потому что подлинное возрождение стало возможно только тогда, когда рухнул коммунистический режим, - началось частичное восстановление Церкви, ее епископата, духовенства. Те, кто уцелели, возвращались из ссылок и лагерей, было позволено открывать храмы.

В сложной ситуации тех лет советское государство хотело использовать международный авторитет Церкви. Например, когда во время войны в нашу страну приезжал из Англии архиепископ Йоркский, было необходимо, чтобы он встретился не только с государственным, но и с церковным руководством. Такая политика продолжилась и в послевоенный период. И Церковь и государство были заинтересованы в расширении международной деятельности Церкви. Государство – потому что присутствие иерарха Церкви на международной арене демонстрировало ту свободу вероисповедания, которая декларировалась в конституции, а для Церкви это была возможность окормления соотечественников, оторванных от России на протяжении тридцати лет. Появилась возможность установить контакты с иными Православными Церквами и с инославными Церквами и объединениями. Самое главное, что этот выход на международную арену в каком-то смысле защищал Церковь от гонений внутри. Все это в 1946 году привело к решению создать Отдел внешних церковных связей. Первым председателем Отдела стал очень известный, яркий иерарх – митрополит Николай (Ярушевич).

– Какие особенности внешнецерковной деятельности Вы бы отметили сегодня?

– Сегодня Отдел выполняет все те же задачи, которые он выполнял 65 лет назад, но появились и новые вопросы и вызовы, на которые требуются ответы. Существенно расширилась международная деятельность Русской Церкви. В 1946 году Русская Церковь имела несколько тысяч приходов. Существовала также весьма раздробленная и, в значительной своей части, враждебно настроенная к Московскому Патриархату диаспора. В целом можно сказать, что поле для международных контактов было в тот период не очень широким. Сегодня Русская Церковь возродилась во всем своем величии. Она представляет собой, можно сказать, интернациональную организацию, потому что ее каноническая территория охватывает пятнадцать стран. Перед нами стоят задачи как "внутренние" - прежде всего, это сохранение рубежей нашей Церкви, так и "внешние" – контакты с внешним миром. Когда я говорю о сохранении рубежей, я имею ввиду тот факт, что Русская Церковь имеет свои канонические границы, которые должны оставаться незыблемыми. Мы знаем, что когда распался Советский Союз, то в некоторых бывших республиках Союза появились центробежные тенденции, которые в какой-то степени коснулись и Церкви. Именно в этот период на Украине возник раскол, который не преодолен до сих пор. И одна из задач Отдела внешних церковных связей – способствовать тому, чтобы сохранялось и укреплялось единство Русской Православной Церкви на постсоветском пространстве. Это все создает совершенно новую атмосферу и требует новых подходов.

Если же говорить о "внешней" составляющей, то очень существенно расширился диалог и с Православными Церквами, и с Римско-Католической Церковью, и с протестантами. Отдел проводит работу в области контактов с нашими соотечественниками. Одним словом, задачи остались те же, но объем вырос во много раз.

– 65 лет – большой срок. Какие основные вехи на этом пути можно было бы выделить в жизни ОВЦС? И с чьими именами они связаны?

– Вехи в истории ОВЦС неизбежно сопряжены с именами его председателей. В каком-то смысле эпоха каждого председателя – новая эпоха в жизни Отдела. В эпоху митрополита Николая (Ярушевича) произошло восстановление структур Церкви в поздний сталинский период с одной стороны, а с другой стороны – начались хрущевские гонения. Неслучайно митрополит Николай был отстранен от управления Отделом и от кафедры, которую он занимал. Та деятельность, которая казалась возможной в 40-х и 50-х годах, к концу 50-х годов, когда государственное руководство вновь взяло курс на ликвидацию религии, уже не устраивало представителей власти. Это было начало хрущевской оттепели и одновременно хрущевских гонений на Церковь. Митрополит Николай умер при загадочных обстоятельствах, в очень трудных условиях.

Ему на смену пришел тогда еще совсем молодой епископ, в дальнейшем митрополит, Никодим (Ротов). На него сделали ставку власти, потому что полагали, что этот человек, родившийся и выросший уже в послереволюционную эпоху, всегда будет лояльным гражданином своего Отечества. Но в эту труднейшую эпоху, когда был взят курс на ликвидацию Церкви, только теперь уже не физическую, а идеологическую, он стратегически переиграл представителей власти, поставив перед собой задачу омолодить епископат. В те годы происходило следующее: умирал престарелый архиерей, и государственные органы препятствовали назначению на его место преемника – так постепенно предполагалось свернуть деятельность Церкви.

Митрополит Никодим взял за основу внешнюю деятельность Церкви и доказывал властям, что для этой деятельности необходимы молодые талантливые иерархи. Он получал разрешение на рукоположение того или иного лица, направлял его на несколько лет за рубеж. Потом этот человек возвращался на Родину, и таким образом в течение примерно одного десятилетия митрополиту Никодиму удалось омолодить епископат и привлечь к ответственной церковной работе тех людей, которые и сегодня, более 35 лет спустя после его смерти, продолжают занимать посты. Покойный Патриарх Алексий II, нынешний Патриарх Кирилл, митрополит Ювеналий, митрополит Филарет, Блаженнейший митрополит Киевский Владимир, то есть все те, кто сегодня стоят у руля Церкви, – люди, которых в свое время нашел и продвинул митрополит Никодим.

Внешней деятельностью он защищал Церковь изнутри. Известен случай когда он, будучи митрополитом Ленинградским, совершал Пасхальное богослужение. Владыка собирался выйти на крестный ход, а ему доложили, что у собора стоит огромная толпа безбожной молодежи, которая ругается и творит всякие непотребства. Митрополит Никодим прошел сквозь этот строй воинствующего комсомола, который был туда специально пригнан с целью сорвать Пасхальную службу, и пообещал, что больше такого не повторится. На следующую Пасху он пригласил делегацию Лютеранской церкви Финляндии и, естественно, уже никто никому не позволил совершать какие-либо бесчинные действия.

В тоже время нельзя сказать, что внешняя деятельность была просто каким-то буфером, заслоном. Церковь имеет определенную миссию по отношению к внешнему миру. Эта миссия – свидетельство. И когда мы общаемся с инославным миром, мы прежде всего выполняем эту апостольскую миссию – свидетельствуем о красоте, чистоте и об истине Православия. Это свидетельство было главным лейтмотивом в деятельности митрополита Никодима. Три его ученика стали затем председателями Отдела внешних церковных связей: сначала митрополит Ювеналий, затем митрополит Минский Филарет и затем митрополит Смоленский – ныне Святейший Патриарх Кирилл. Все они продолжали дело в том направлении, которое было намечено им. Но конечно, кардинальные сдвиги в судьбе Церкви и в судьбе Отдела наступили именно тогда, когда Отдел возглавил митрополит Кирилл.

Это был 1989 год – время, когда последние месяцы доживал Советский Союз и когда у Церкви открылись новые возможности. Тогда ОВЦС стал стал тем интеллектуальным центром, который разрабатывал все основные направления внешней и, в значительной степени, внутренней политики Церкви. В недрах Отдела была написана Социальная доктрина Русской Православной Церкви. Та модель взаимоотношений между Церковью и государством, которая существует сегодня, была задумана и осуществлена силами именно этого ведомства. Те Синодальные отделы, которые сегодня существуют как самостоятельные единицы – Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества, Отдел религиозного образования и катехизации, Управление по делам загранучреждений и целый ряд других начинались здесь. То есть при митрополите Кирилле здесь была и кузница кадров, и интеллектуальный центр. Это был ведущий Синодальный отдел, который в значительной степени определял общее направление жизни и деятельности нашей Церкви.

– Светская дипломатия стоит на защите государственных интересов, а церковная дипломатия кого и как защищает? Насколько в ее деятельности важно учитывать интересы земные, государственные?

– Церковь – это тот союз между Богом и людьми, который покоится на богочеловеческих основаниях. В этом смысле мы знаем об абсолютной верности слов Спасителя о том, что «врата

адовы не одолеют Церковь», то есть в ее абсолютном и всемирном выражении Церковь всегда будет существовать до конца мировой истории. Но каждая конкретная Церковь имеет свое историческое выражение, свое географическое местоположение и является сообществом людей, которые живут в самых различных обстоятельствах. Мы знаем из истории, что некоторые Церкви были уничтожены полностью, например, Албанская Православная Церковь при диктаторском режиме Энвера Ходжи. Там не осталось ни одного действующего храма, ни одного служащего священника. И когда этот режим пал, восстановление структур Церкви приходилось начинать с нуля. Почти то же самое произошло и в нашей стране (теперь уже лучше говорить, в наших странах), когда по сути дела мало что осталось от Церкви. Но Церковь выжила, в том числе трудами таких выдающихся подвижников, как председатели Отдела внешних церковных связей – митрополит Николай, митрополит Никодим и их преемники. В нынешних условиях бытие Церкви не под угрозой. Сегодня Церковь динамично развивается и в России, в других странах постсоветского пространства, но возникают различные угрозы единству Церкви, ее целостности. Например, украинский раскол по сути дела поставил под вопрос саму идею многонациональной Церкви, юрисдикция которой распространяется на несколько независимых государств. Ведь лидеры раскола взяли за основу лозунг: «В независимом государстве - независимая Церковь». И они стали внушать политикам, что если одно государство отделилось от другого, то и Церковь соответственно должна быть расколота на две. Если бы мы шли по такому пути, то сейчас в православном мире было бы не 15 автокефальных Церквей, а около 150, потому что только один Александрийский Патриархат окормляет верующих почти в 50 государствах Африканского континента. Русская Православная Церковь – 15 государств плюс диаспора. Сербская Церковь – это несколько государств, входивших некогда в Югославию и также диаспора. Многонациональный характер Церкви требует постоянной поддержки, постоянного идеологического обоснования, а самое главное, надо работать над тем, чтобы не рвались те связи, которые устанавливались веками. Например, одна из тем, над которой постоянно работает Отдел внешних церковных связей - это приграничное сотрудничество. Ведь что такое политические границы на карте Поместной Церкви – это как швы на одежде. На них должно быть особое внимание, если вы начнете растягивать пиджак в разные стороны, он разорвется именно там, где швы, именно там должно быть хорошо скроено и крепко сшито. Чтобы обеспечивать успешное бытие Церкви и ее ежедневный, регулярный контакт с внешним миром, нужно решать много подобных задач – над всем этим и работает ОВЦС.

– Насколько задачи, которые Вы решаете, важны для простого верующего из российской глубинки?

– Простой верующий из российской глубинки бывает разный. Если этот верующий имеет родственников на Украине, значит уже наша деятельность как-то с ним соприкасается. Если простой верующий из российской глубинки женат на католичке, значит, опять его жизнь

соприкасается с тематикой деятельности нашего Отдела. Или если его дети оказываются в ситуации смешанного брака, или если он живет в российской глубинке, а его дети уехали за рубеж. Поэтому можно сказать, что сейчас в работе нашего Отдела много таких тем, которые самым непосредственным образом смыкаются с интересами простых верующих, в том числе и из глубинки.

Сегодня многие люди ездят за рубеж в паломничества или отправляются отдыхать и заодно посещают христианские монастыри и святыни. Я буквально вчера вернулся из Черногории, где при 600 тыс. населения страны 150 тыс. – ежегодно приезжающие русские туристы. А сфера взаимоотношений между Русской Церковью и Православной Церковью в Черногории, которая является частью Сербской Церкви, – эта уже сфера прямой ответственности ОВЦС. Поэтому жизнь Отдела сегодня невозможно отделить от жизни простых верующих и сказать, что ОВЦС работает над очень специфическими темами. Неслучайно мы в диалоге с католиками, в диалоге с протестантами сейчас значительно отошли от богословской тематики и обсуждаем преимущественно социальные и нравственные вопросы. Мы проводим совместные конференции и собеседования по теме семьи, говорим о семейных ценностях, вырабатываем общие подходы к основополагающим аспектам семейной этики – это все очень важно, потому что затрагивает жизнь людей.

– Вы упомянули о Вашей поездке в Черногорию. Это европейская страна. А европейские страны были сформированы на основе христианского мировоззрения. Вы много бывает в таких поездках. На Ваш взгляд, сохранилось ли в европейских странах христианство?

– Европейские страны сохраняют свою христианскую идентичность, но сегодня по этой идентичности наносятся удары с самых разных сторон. Основные удары исходят от представителей секулярного мировоззрения, тех, кого сегодня нередко называют воинствующими секуляристами (по аналогии с воинствующими атеистами). Они считают, что религия имеет право на существование, если только она не выходит за какие-то пределы. А пределы эти они ограничивают стенами храмов и, может быть, еще стенами квартир. Иначе говоря, вы можете быть православным или католиком, посещать свою церковную общину в качестве хобби, как другие посещают казино или кинотеатры, вы можете практиковать религию у себя в семье, но в вашей общественной деятельности, особенно, если вы политик или работаете в идеологической сфере, вы ни в коем случае не должны быть мотивированы своими христианскими убеждениями. Это очень серьезный вызов христианской идентичности - ведь Христос создал Церковь не для домашнего употребления. Он создал ее для того, чтобы каждый ее член был апостолом и проповедовал, в том числе и на общественном пространстве. Миссию проповеди евангельских ценностей с Церкви никто не снимал, и когда нам сегодня в Европе говорят: вы не должны

открыто проповедовать свои религиозные ценности на общественном поле или через средства массовой информации, то мы отвечаем, что мы с этим категорически не согласны.

– Перейдем к теме СМИ. Телеканал «Союз» сегодня вещает уже в 150 странах. На Ваш взгляд, насколько важно, чтобы люди, интересующиеся Православием, могли познакомиться с ним при помощи телеэфира?

– Когда я служил в Австрии и Венгрии, многие мои прихожане смотрели телеканал «Союз» и узнавали из его программ о тех событиях, которые происходят в христианском мире. Очень важно, чтобы развивалось православное телевидение, чтобы оно охватывало как можно более широкие круги людей. Хотелось бы также пожелать, чтобы православные телеканалы не концентрировались исключительно на религиозной тематике, чтобы они были в значительной степени каналами для семейного просмотра, чтобы люди могли ознакомиться с произведениями искусства, с фильмами, которые несут высокий нравственный заряд. Мне кажется, такая продукция сегодня максимально востребована.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/55339/